

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это сочинение жюри конкурса «Русский Букер» почти единодушно признало лучшим русским романом первого десятилетия XXI века.

Да, это — роман, точнее — «роман-идиллия», хотя многие читатели посчитали книгу сплошь автобиографической: в ней высока концентрация исторической правды и, видимо, трогает читателя достоверность мыслей и чувств российских людей XX века — героев романа.

Это — образ России в ее тяжелейшие годы. В центре — дед главного героя, весьма близкий к своему прототипу — деду автора: я еще успела его застать и оценить. Примечательно, что две яркие главы об этом герое, про которые многие читатели говорили: «Такое можно написать только с натуры!» — по личному признанию автора, вымыщлены им с первой строки до последней... Что ж, во-первых, автор хорошо знал своего героя. А во-вторых — был талантлив.

В основе романа — история жизни семьи автора.

...Как и когда попала семья деда в Северный Казахстан — место действия романа? В 1910-е годы они жили в Виленской губернии, в городе Ново-Свенцяны. Леонид Петрович Савицкий там учителяствовал и заведовал гимназией.

Начало мировой войны резко изменило жизнь семьи. Известный историк России М. К. Лемке, находившийся в те годы в гуще фронтовых событий, приводит донесение о неожиданно стремительном наступлении немцев на Ново-Свенцяны (они считались одной из главных станций Юго-Западного фронта) в конце августа 1915 года и о том, как в тот момент, когда 29 августа противник находился в 15 верстах от станции, были отданы распоряжения о спешной эвакуации «находившихся в местечке госпиталей, казенных учреждений и местного населения». Менее чем за сутки это было проделано; можно себе представить, как шла эвакуация семьи Савицких с шестью малыми детьми (старшему — восемь лет...). Семья осела в Екатери-

нославе (когда-то образованном Екатериной II в функции третьей столицы России) – то есть уже в Украине. Там в 1916 году родилась мать автора книги, самая младшая дочь, Евгения. Там же пошла она в школу: обучение шло на украинском языке и впоследствии в паспорте она указывала свою национальность – «украинка». Но кончала школу уже в Днепропетровске – город был переименован в 1926 году в честь большевика Григория Петровского, занимавшего в Советской Украине руководящие должности. (Сейчас Украина, проводящая десоветизацию также и в топографии, дала городу название *Днепр*.)

Семья уезжала с Украины в Сибирь после завершения младшей дочерью среднего образования в 1934–1935 гг. – скорей всего от голода и свирепствовавших эпидемий. Сначала – в Семипалатинск (с 2007 года – Семей), город на берегу Иртыша; в середине XIX века там несколько лет жил ссылочный Достоевский.

В этом городе в июле 1937 года Евгения Леонидовна Савицкая закончила Учительский институт, получила право преподавания химии и биологии в средней школе. Затем с родителями и уже с мужем, Павлом Ивановичем Чудаковым (преподававшим с 1933 года, приехав в Семипалатинск из Москвы, историю в средней школе), переехала в небольшой городок Щучинск – в семистах пятидесяти км, что по сибирско-казахстанским пространствам не так уж и далеко...

Город был выбран семьей по настоянию старшего сына, Николая Леонидовича, который работал недалеко от него на урановых рудниках, – и на их глазах стал наполняться ссылочными... В Щучинске (получившем в романе имя Чебачинска) 2 февраля 1938 года родился автор романа, поразив молодую мать и врачей своим весом – 5 кг.

Александр Чудаков помнил свои польские корни. Поступив на филфак МГУ, он в первом же семестре стал по собственному желанию изучать польский язык, и вскоре читал по-польски. Когда мы подружились на 3-м курсе, одно из первых его сообщений о себе было – родство (через бабушку) с Мари Кюри-Склодовской, имя которой в нашей стране пользовалось большой популярностью. И еще – ему очень нравилось, что девичья фамилия его бабушки состояла из трех частей – Налочь-Длусская-Склодовская...

Закончу это вступление сохранившимся в дневнике А. П. Чудакова отзывом на еще не опубликованный роман его молодого друга Р. Лапшина, поэта и филолога: «...Раскрыты окна, свежий ветер. Такого нет сейчас. ...Это – счастливая книга, книга о счастье, вопреки всему».

М. Чудакова

Ложится мгла
на старые ступени
Роман-идиллия

1. АРМРЕСТЛИНГ В ЧЕБАЧИНСКЕ

Дед был очень силён. Когда он, в своей выгоревшей, с высоко подвёрнутыми рукавами рубахе, работал на огороде или строгал черенок для лопаты (отдыхая он всегда строгал черенки, в углу сарая был их запас на десятилетия), Антон говорил про себя что-нибудь вроде: «Шары мышц катались у него под кожей» (Антон любил выразиться книжно). Но и теперь, когда деду перевалило за девяносто, когда он с трудом потянулся с постели взять стакан с тумбочки, под закатанный рукав нижней рубашки знакомо покатился круглый шар, и Антон усмехнулся.

— Смёшься? — сказал дед. — Сlab я стал? Стал стар, однако был он прежде млад. Почему ты не говоришь мне, как герой вашего бояцкого писателя: «Что, умираешь?» И я бы ответил: «Да, умираю!»

А перед глазами Антона всплывала та, из прошлого, дедова рука, когда он пальцами разгибал гвозди или кривое железо. И ещё отчётливей — эта рука на краю праздничного стола со скатертью и сдвинутою посудой — неужели это было больше тридцати лет назад?

Да, это было на свадьбе сына Переплёткина, только что вернувшегося с войны. С одной стороны стола сидел сам кузнец Кузьма Переплёткин, и от него, улыбаясь смущённо, но не удивленно, отходил боец скотобойни Бондаренко, руку которого только что припечатал к скатерти кузнец в состязании, которое теперь именуют армрестлинг, а тогда не называли никак. Удивляться не приходилось: в городке Чебачинске не было человека, чью руку не

мог положить Переплёткин. Говорили, что раньше то же мог сделать ещё его погибший в лагерях младший брат, работавший у него в кузне молотобойцем.

Дед аккуратно повесил на спинку стула чёрный пиджак английского бостона, оставшийся от тройки, сшитой ещё перед первой войной, дважды лицованный, но всё ещё смотревшийся (было непостижимо: ещё на свете не существовало даже мамы, а дед уже щеголял в этом пиджаке), и закатал рукав белой батистовой рубашки, последней из двух дюжин, вывезенных в пятнадцатом году из Вильны. Твёрдо поставил локоть на стол, сомкнул с ладонью соперника свою, и она сразу потонула в огромной разлапой кисти кузнеца.

Одна рука — чёрная, с въевшейся окалиной, вся переплётённая не человечими, а какими-то воловыми жилами («Жилы канатами вздулись на его руках», — привычно подумал Антон). Другая — вдвое тоньше, белая, а что под кожей в глубине чуть просвечивали голубоватые вены, знал один Антон, помнивший эти руки лучше, чем материнские. И один Антон знал железную твёрдость этой руки, её пальцев, без ключа отворачивающих гайки с тележных колёс. Такие же сильные пальцы были ещё только у одного человека — второй дедовой дочери, тёти Тани. Оказавшись в войну в ссылке (как чесеирка — член семьи изменника родины) в глухой деревне с тремя малолетними детьми, она работала на ферме дояркой. Об электродойке тогда не слыхивали, и бывали месяцы, когда она выдавала вручную двадцать коров в день — по два раза каждую. Московский приятель Антона, специалист по мясо-молоку, говорил, что это всё сказки, такое невозможно, но это было — правда. Пальцы у тёти Тани были все искривлены, но хватка у них осталась стальная; когда сосед, здороваясь, в шутку сжал ей сильно руку, она в ответ так сдавила ему кисть, что та вспухла и с неделю болела.

Гости выпили уже первые батареи бутылок самогона, стоял шум.

— А ну, пролетарий на интеллигенцию!

— Это Переплёткин-то пролетарий?

Переплёткин — это Антон знал — был из семьи высланных кулаков.

— Ну а Львович — тоже нашел советскую интеллигенцию.

— Это бабка у них из дворян. А он — из попов.

Судья-доброволец проверил, на одной ли линии установлены локти. Начали.

Шар от дедова локтя откатился сначала куда-то в глубь засученного рукава, потом чуть прикатился обратно и остановился. Канаты кузнеца выступили из-под кожи. Шар деда чуть-чуть вытянулся и стал похож на огромное яйцо («страусиное», подумал образованный мальчик Антон). Канаты кузнеца выступили сильнее, стало видно, что они узловаты. Рука деда стала медленно клониться к столу. Для тех, кто, как Антон, стоял справа от Переплёткина, его рука совсем закрыла дедову руку.

— Кузьма, Кузьма! — кричали оттуда.

— Восторги преждевременны, — Антон узнал скрипучий голос профессора Резенкампфа.

Рука деда клониться перестала. Переплёткин посмортрел удивлённо. Видно, он наддал, потому что вспух ещё один канат — на лбу.

Ладонь деда стала медленно подыматься — ещё, ещё, и вот обе руки опять стоят вертикально, как будто и не было этих минут, этой вздувшейся жилы на лбу кузнеца, этой испарины на лбу деда.

Руки чуть заметноibriровали, как сдвоенный механический рычаг, подключённый к какому-то мощному мотору. Туда — сюда. Сюда — туда. Снова немного сюда. Чуть туда. И опять неподвижность, и только еле заметная вибрация.

Сдвоенный рычаг вдруг ожила. И опять стал клониться. Но рука деда теперь была сверху! Однако когда до столешницы оставался совсем пустяк, рычаг вдруг пошёл обратно. И замер надолго в вертикальном положении.

— Ничья, ничья! — закричали сначала с одной, а потом с другой стороны стола. — Ничья!

— Дед, — сказал Антон, подавая ему стакан с водой, — а тогда, на свадьбе, после войны, ты ведь мог бы положить Переплёткина?

— Пожалуй.

— Так что ж?..

— Зачем. Для него это профессиональная гордость. К чему ставить человека в неловкое положение.

На днях, когда дед лежал в больнице, перед обходом врача со свитой студентов он снял и спрятал в тумбочку нательный крест. Дважды перекрестился и, взглянув на Антона, слабо улыбнулся. Брат деда, о. Павел, рассказывал, что в молодости тот любил прихвастнуть силой. Разгружают рожь — отодвинет работника, подставит плечо под пятитрудовый мешок, другое — под второй такой же, и пойдёт, не сгибаясь, к амбару. Нет, таким хвастой деда представить было нельзя никак.

Любую гимнастику дед презирал, не видя в ней проку ни для себя, ни для хозяйства; лучше расколоть утром три-четыре чурки, побросать навоз. Отец был с ним солидарен, но подводил научную базу: никакая гимнастика не даёт такой разносторонней нагрузки, как колка дров, — работают все группы мышц. Поднадеявшись брошюр, Антон заявил: специалисты считают, что при физическом труде заняты как раз не все мышцы, и после любой работы надо делать ещё гимнастику. Дед и отец дружно смеялись: «Поставить бы этих специалистов на дно траншеи или на верх стога на полдня! Спроси у Василия Илларионовича — он по рудникам двадцать лет жил рядом с рабочими бараками, там всё на людях, — видел он хоть одного шахтёра, делающего упражнения после смены?» Василий Илларионович такого шахтёра не видел.

— Дед, ну Переплёткин — кузнец. А в тебе откуда было столько силы?

— Видишь ли. Я — из семьи священников, потомственных, до Петра Первого, а то и дальше.

— Ну и что?

— А то, что — как сказал бы твой Дарвин — искусственный отбор.

При приёме в духовную семинарию существовало негласное правило: слабых, малорослых не принимать. Мальчиков привозили отцы — смотрели и на отцов. Те, кому предстояло нести людям слово Божие, должны быть красивые, высокие, сильные люди. К тому же у них чаще бывает бас или баритон — тоже момент немаловажный. Отбирали таких. И — тысячу лет, со времён святого Владимира.

Да, и о. Павел, протоиерей Горьковского кафедрального собора, и другой брат деда, что служил в Вильнюсе, и ещё один брат, священник в Звенигороде, — все они были высокие, крепкие люди. О. Павел отсидел десятку в мордовских лагерях, работал там на лесоповале, а и сейчас, в девяносто лет, был здоров и бодр. «Поповская кость!» — говорил отец Антона, садясь покурить, когда дед продолжал не торопясь и как-то даже незвучно разваливать колуном берёзовые колоды. Да, дед был сильнее отца, а ведь и отец был не слаб — жилистый, выносливый, из мужиков-однодворцев (в которых, впрочем, ещё бродил остаток дворянской крови и собачьей брови), выросший на тверском ржаном хлебе, — никому не уступал ни на покосе, ни на трелёвке леса. И годами — вдвое моложе, а деду тогда, после войны, перевалило за семьдесят, был он тёмный шатен, и седина лишь чуть пробивалась в густой шевелюре. А тётка Тамара и перед смертью, в свои девяносто, была как вороново крыло.

Дед не болел никогда. Но два года назад, когда младшая дочь, мать Антона, переехала в Москву, у него вдруг начали чернеть пальцы на правой ноге. Бабка и старшие дочери уговаривали сходить в поликлинику. Но в последнее время дед слушался только младшую, её не было, к врачу не пошёл — в девяносто три ходить по лекарям глупо, а ногу показывать перестал, говоря, что всё прошло.

Но ничего не прошло, и когда дед всё же показал ногу, все ахнули: чернота дошла до середины голени. Если бы захватили вовремя, можно было бы ограничиться ампутацией пальцев. Теперь пришлось отрезать ногу по колено.